

Ольга Громыко

Кому в навьем царстве жить хорошо

*Часть сборника
Ведьмины байки*

Сказка – ложь, узнайте правду!

Ольга Громыко

**Кому в навьем
царстве жить хорошо**

«Автор»

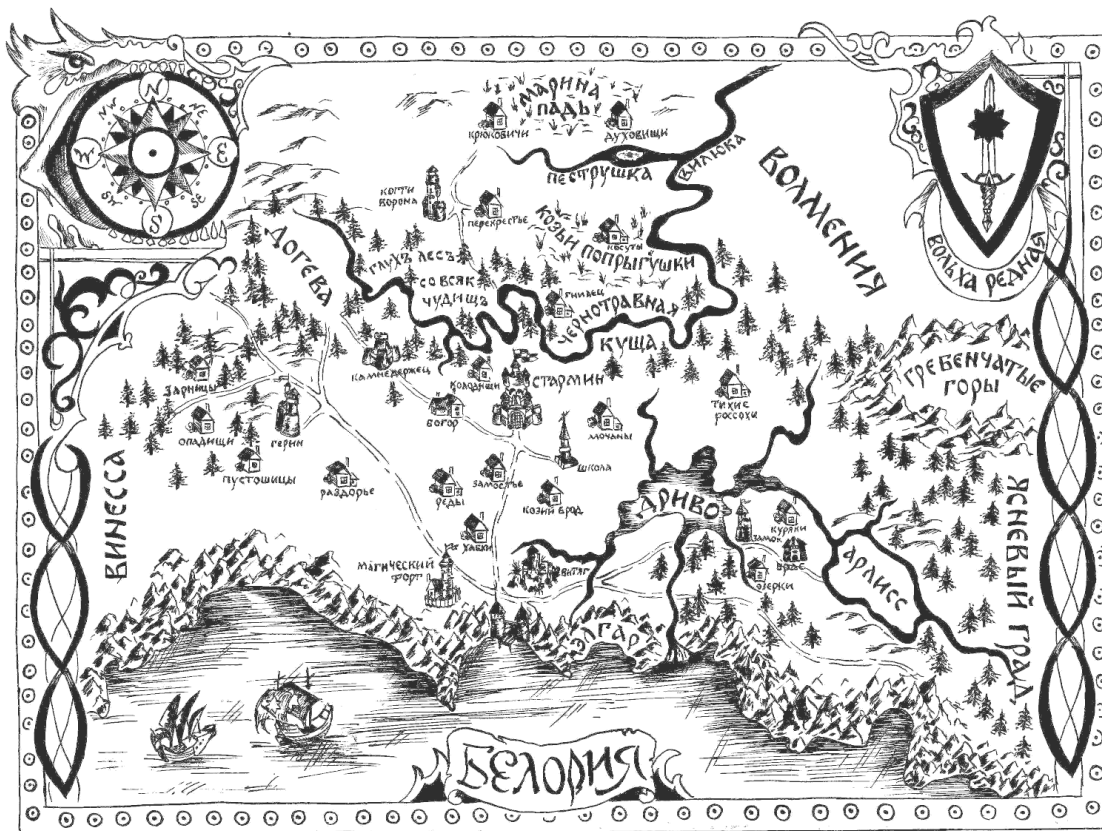
2003

Громыко О. Н.

Кому в навьем царстве жить хорошо / О. Н. Громыко — «Автор»,
2003 — (Сказка – ложь, узнайте правду!)

Связываться с женщинами – себе дороже! Особенно если это дипломированная ведьма, разъезжающая по белоруским лесам и весям в поисках работы, а пуще того – приключений. Но и от Василисы Премудрой ничего хорошего ждать нельзя! И будь ты хоть сам Кощей, брать ее в жены категорически не рекомендуется, иначе горько пожалеешь о своем бессмертии! В общем, спасайтесь, кто может! В противном случае вы рискуете умереть... от смеха.

Ольга Громыко
Кому в навьем царстве жить хорошо

Вешним утром, ранним солнышком выехал я из терема батюшкиного; матушка сонная проводить вышла, котомку в дорогу дальнюю собрала, платочком на прощание помахала. Налево махнула – озеро в чистом поле стало, направо – лебеди по нем поплыли, еще раз налево – вороны полетели, каркают отвратно, направо – из сырой земли какой-то богатырь расти начал, шелом с купол теремной. Спешился я поскорее, отнял у матушки платочек чародейский, пока, чего доброго, рек огненных либо лесов дремучих не намахала, давай поле в порядок приводить.

– Извини, Семушка... – зевает матушка, на ветру утреннем ежась, – снова я платочками с батюшкой твоим попуталась...

– Ничего, матушка, ерунда, – пыхчу я, а с самого пот градом: упрямый богатырь попался, так и норовит землю разломать и на волю выбраться, глазом налитым недобро ведет. – Вороной больше, вороной меньше... а платочек я и сам взять собирался, да забыл... чтоб тебя, окаянного!

Запихал я богатыря под землю, пот утер. Руки в озере ополоснул, оно и истаяло, травой взялось, лебеди же былинками обернулись. Вороны так и разлетелись, не собрать.

– Бывай, матушка, не поминай лихом!

– Возвращайся поскорей, дитяtko!

Хорошая у меня матушка – ни тебе слез, ни причитаний, ни уговоров-отговоров: благословила наскоро, в щеку походя лобызнула и в терем досыпать вернулась. Понимает, что доброго молодца навеки под крылышком не удержишь, пушай с малолетства к подвигам привыкает.

Сел я на доброго коня, сивого жеребчика, поводьями потряхнул – и только поминай как звали!

Эх, знать бы еще, где те подвиги искать! Полдня без толку в седле протрясся, хоть бы упырь какой навстречу выскочил. Уже и конь еле ноги переставляет, на всадника мрачно косится, да и у меня от зада отсиженного одни воспоминания остались. Чую, так он на седле и останется...

Впереди река показалась, а за ней город какой-то, маковки церковные на солнце горят. Ну, думаю, перееду реку – сяду да покушаю, на траве-мураве сосну малость. Тут и дорога как раз в мост уперлась. Не шибко прочный, деревянный, да коня со всадником выдержит, не переломится.

Только я на мост – конь подо мной споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади черный пес ошетинился. Свистнул я плеткой для порядка:

– Моста не видели, бестолочи? А ну марш вперед!

Конь хоть бы вид сделал, что испугался. Только хвостом махнул:

– Как же, раскомандовался! Вот слазь и иди вперед пеш, не чуешь – мост трещит да гнется, под ногами ровно живой шевелится?!

– И сидит под тем мостом кто-то незнакомый, – рычит Волчок, носом черным поводя, – пошто затаился, не сказывается, а? Тать, поди!

И Вранко вслед за ними:

– Сто лет живу, моста этого не помню! Не к добру!!! Кар-р-р! Кар-р-р!

Послушался я, слез. И впрямь – вовсе негодящий мост, каждый шаг волной отдается, вперед бежит. Доски новые, да положены вкривь и вкось, не к тому месту руки мастеровитые приставлены были. Берега у речки крутые, не видать, кто там под мостом схоронился. Остановился я посереде моста, призадумался:

– Сбегай, Волчок, разведай, что там да как!

– Вот еще, – трусовато щерится пес, – я и отсюда брехнуть могу... Гав!!!

Тут мост как зашатается, опоры понадломились, доски поразъехались, взвыли мы на пять голосов – вместе с татем неведомым – да в реку!

А воды-то в реке всего ничего, псу по шею, коню по колено, я же с головы до ног измочился – плашмя упал, думал, тону, ан нет – побарахтался и сел. Ощупал себя – вроде цел, не отбилось ничего нужного. Вокруг доски плавают, течение к ним примеривается, вниз по реке утягивает. Над нами ворон кружит, сверху доносится:

– Я же говорил! Мудрых птиц слушать надобно!

– Сам же и накаркал! – брешет пес, отряхиваясь.

Откинул я волосы с лица, огляделся – больше нас стало. Подымается из пучины речной неглубокой молодец незнакомый, конопатый, упитанности немалой, в кольчуге поржавленной, с булавой шипастой наперевес, молвит неуверенно:

– Ну, чудо-юдо поганое, теперь держись – пришел я твоей крепости испробовать, дай-кось попытаю, что опосля удара богатырского выдюжит – моя булава али твоя голова?!

– Ты что, – говорю я злобно, воду сплевывая, – ошалел?! Какое я тебе чудо-юдо, да еще поганое? Я тебе сейчас твою булаву о твою же хребтину пообломаю, чтобы знал впредь, как честным людям мосты подпиливать!

Пригорюнился молодец, снял шелом, почесал кудри рыжие. Смачно вышло, со скрипом.

– Извиняй, добрый человек, обознался... Сказывали мне бабки знающие, что, ежели через воду текучую в месте безлюдном мост перекинуть, в полночь всенепременно чудо-юдо на него пожалует, тут-то его и хватать надобно, пока тепленькое!

У меня так глаза на лоб и полезли.

– То ли я от падения умом тронулся, то ли полдень сейчас самый что ни есть жаркий да светлый!

– Ночью-то оно того... боязно... – мнется молодец.
– А мост зачем подпилит, дурень эдакий?
– Дык... чтоб врасплох застать... а то вдруг оно на меня кинется?
– Еще бы ему не кинуться... – цежу я сквозь зубы, подымаясь да пиявку из-за ворота выкидывая. – И кто ж тебя, такого удалого да смекалистого, на белый свет породить сподобился?

– Семен я... – басит молодец. – Ильи Муромца сын...

Позабыл я всю свою обиду:

– Так ты же брат мой двоюродный да тезка в придачу: я Семен – Кощеев сын, наши матери друг другу сводными сестрами приходятся!

Возрадовался Семен Муромец, сгреб меня в охапку – только кости затрещали.

– Слышал я про тебя, братец, жаль, прежде свидеться не довелось! Куда путь-дорогу держишь?

Отдышался я маленько после объятий богатырских:

– Ищу я цветочек аленькой, а иду куда глаза глядят – не знаю я, где тот цветочек искать, может, по пути что сведаю. А ты зачем на чудо-юдо засаду строишь?

– Прославиться решил, – вздыхает тезка. – Чтоб как батюшка! А то все «Муромцев сынок» да «Илюшин отпрыск», аж во рту кисло. Мне батюшкина слава без надобности, своей бы разжиться!

– Вот те и разжился! – с берега лает пес. – Кощеева сына мостом пришиб, не всякий так-то сумеет! Суму, суму лови, хозяин, уплывает!

Уставился Муромец на Волчка, уши мизинцами прочищает:

– Вот те раз, а ведь всего-то одну чарку для храбрости и выпил!

Не до разъяснений мне – сума-то и впрямь уплыла да потопла, а в ней одежда запасная, еды на три дня и книжка чародейская.

Тут ворон ко мне на плечо присел, когтями в наплечник кожаный впился:

– Тридцати верст не проехал, все припасы сгубил! Не к добру!!! Кар-р-р, кар-р-р!

Отмахнулся я от вещей птицы, пошел к берегу, сапогами хлюпая. Ничего, едой да одежей всегда разжиться можно, а книжку я и так назубок знаю, на всякий случай брал.

– Не печалься, Сема... – утешает меня Муромец, коня своего богатырского, бурого да лохматого, от куста отвязывая. – Я виноват, мне и ответ держать – поехали на торжище в славный город Колдобень, кольчугу мою купцам сбудем, на квас пропьем, на калачи проедем! Город-от за горушечкой, рукой подать.

Покосился я на него с усмешкою:

– Ну и безлюдное же место ты для моста выбрал, братец...

– А какая ему, чуду-юду, разница? – хорохорится Муромец. – Зато мне польза великая: головы срубленные тащить недалеко, а в случае чего за стенами белокаменными отсидеться можно...

Оглядел Сивка кольчугу богатырскую, всхрапнул жалостливо:

– Ну, ежели кузнецу на лом всучить сумеете, может, по черствой баранке на брата и разживетесь...

– Вот и ладненько, – говорю, – а ежели на квас не хватит – коня моего на мыловарню продадим.

Прикусил Сивка удила, оставил шутки строить.

Заехали мы в город, сыскали кабак почище, спросили питья хмельного да закуси. Отговорил я Муромца кольчугу продавать – не сумой единой жив путник, сподобился перед дорогой пару монет в пояс зашить. Выпили мы за знакомство, разговорились. Хороший, кажись, Сема парень; чуток простоватый, зато души добрейшей и слову своему верен.

– Ты, Кощеич, не серчай на меня за мост да суму, вот совершу подвиг, разживусь день-жищами и покрою твой убыток.

– Какой подвиг-то, Сема? Полчища басурманские давно копья сложили, торговлей живут, чудо-юдо последнее твой батюшка прикончил, цари и те промеж собой замирились.

Вздыхнул Муромец горько, до дна чарку осушил.

Подступила тут к нам голь кабацкая – мужичонка ледащий, в одежонке худой. Мнется у лавки, облизывается:

– Ох ты гой еси, богатыри могучие, народные заступнички, а не лепо ли вам человека от лютой смерти похмельной избавить, поднести хоть на доньшке?

Посмеялись мы, налили голи кабацкой чарку зелена вина да зелен же огурец в придачу пожаловали. Все равно уже кем-то надкушенный.

Опохмелилась голь кабацкая, повеселела:

– Вот спасибо, добры молодцы, не дали пропасть! Дам я вам за то совет мудреный: не связывайтесь с девками, от них все беды.

Мне ли девок бояться – на какую гляну, та и растает, да ни одна еще по сердцу не пришлась. Батюшка все посмеивался: «Тебе, Сема, по матушке прозываться надобно – Прекрасный: и волос ее золоченый, и очи зелены кошачьи, только что стать молодецкая».

– Проку с того совета! Вот кабы подсказал, где цветочек аленькой сыскать, я бы тебе цельный ковш поднес.

Приздумался мужичонка, головой качает:

– Слыхом не слыхивал я про такое чудо, а значит, нет его вовсе на белом свете. Кабы был, уж непременно в кабаке сказывали бы! Заезжали к нам и купцы берендейские, и служивые кусманские, и торговцы ордынские, про края свои баяли, цветочка же не поминали. Вот только с пустошных земель, лесов нехоженных, дорог неезженных, где солнышко садится, отродясь никто не приходил. Подавались в те дурные места иные богатыри, славы ратной да подвигов великих искать; сыскали, видать, на свою головушку – ни один не вернулся.

Вижу, у Муромца глаза загорелись.

– Может, и мне счастья попытать?

– Невелико, – говорю, – счастье – голову в дурное место свезти да там ее и сложить. Добры молодцы подвигов не ищут, те их сами находят. Вот кабы с умом в пустошные земли наведаться, на рожон зазря не лезть, авось и сыскали бы чего.

Молвит Муромец в шутку:

– Хошь, Сема, тем умом быть? А я тебя обороню, ежели чудище какое на кудри твои буйные покусится.

Кудрей у меня отродясь не бывало, приплел Сема для красного словца, а вот самого ровно барашка стричь можно.

– У меня за плечом тоже не прут ивовый, а меч-кладенец родовой, и махать им я сызмальства обучен. Может, и впрямь за цветочком в земли неведомые податься, дорог исхоженных напрасно не топтать?

Пожали мы друг другу руки:

– Будь же ты мне не просто братом-родичем, а другом-побратимом верным, коему в бою смертном без опаски спиной доверяются!

Голь кабацкая между нами влезает:

– А ковш обещанный?!

– С цветочком вернемся – проставим!

Пригорюнился мужичонка:

– Вернетесь вы, как же... с цветочками аленькими – по два на могилку!

Ну да нам голь трусливую слушать не с руки. Закупили припасов в путь-дорогу дальнюю, выпросили, как из города ловчей выехать, да и повернули коней вслед за солнышком.

Начались вскорости земли пустошные, травой сорной поросшие. Селились тут раньше люди, да повывелись – пустые срубы где-нигде стоят, провалами оконными щерятся. Сказывал кабатчик, будто волкодлаки на пустоши водятся, из лесов нехоженных к жилью за поживой тянутся, по ночам у стен городских воют, да к нам они не вышли, остереглись. Волчок к лошади жметя, как что треснет в кустах – на седло ко мне вспрыгнуть норовит, зубами со страху щелкает.

– Да уймись ты, песий сын! Чуешь кого али дурью маешься?

– Чують не чую, да ты ж сам говорил – на рожон не лезть!

– Так оттого ко мне на голову лезть надобно?!

– Ты, хозяин, пользы своей не понимаешь! Ежели волкодлак на тебя из засады бросится, я его на подлете встречу!

Доехали мы до развилки, глядь – лежит на ней валун, с боков обтесанный, а на верховине каменной молодец чернявый сидит, семечки лузгает, шелухой поплевывает. На волкодлака вроде не похож, в ухе серьга серебряная, взгляд хитрый с прищуром. Конь буланный вокруг камня траву щиплет, поводья по земле тянет. Волчок осмелел, облаял издали.

– Гой еси, добры молодцы! А я уж замаялся вас ждать, все семечки подъял, хоть ты обратно поворачивай!

Переглянулись мы с братом непонимающе:

– Мы-то и впрямь добры молодцы, да только что-то не припомним, чтобы с тобой о встрече уговаривались.

Расправил парень плечи, так с груди шелуха приставшая и посыпалась:

– Я Семен Соловей, по батюшке Васильевичем кличут, из царства Лукоморского, стольного города Лукошкина.

– Эге, – говорю, – это не тот ли Соловей, что к моей матушке сватался, да проворовался некстати?

– А мой батюшка ему за покражу короны царевой чуть голову не снес? – подхватывает Муромец. – Слышал я, что он потом разбойником заделался; бывало, притаится в кустах у дороги, возка купеческого дождется да как засвищет! Лошади понесут, возок с добром по кочкам разметут, а он потом собирает...

– Ага, – всхрапывает Сивка, – он еще как-то глухой ночью моего батюшку со двора свести пытался, да оплошал: батюшка как двинул копытом – конокрад по грудь в сыру землю ушел, едва откопали!

– Ты, хозяин, кошель-то проверь... на всякий случай... – лает пес.

Тут молодец как возрыдает слезами горючими:

– Вот так всегда, как помяну батюшку, немедля татем да конокрадом нарекут! Мол, яблочко от яблони... Хоть ты сиротой без роду-племени назовись, чтобы люди меня не сторожились!

Устыдились мы с Муромцем:

– Прости ты нас, злоязыких, и впрямь негоже отца сыну в упрек ставить. А ты сам каков человек будешь, мастеровой аль торговый?

– Да вор я, вор, – безнадежно отмахнулся Васильевич, – сизмальства мастерству воровскому обучен, а нынче уж поздно иное ремесло постигать. Вот кабы мне такую работу, где только воровать и надобно, уж я бы не оплошал, честным трудом жил!

– Не слышал я о такой работе... – говорит Муромец в раздумье. – Разве что купцом али казначеем, да и там, ежели попадешься, места живого не оставят. А в чуждадных землях искать не пробовал?

– Второй год ишу... – вздыхает Семен Соловей. – И меня уже по трем царствам-государствам ищут... Не с голоду же мне было помирать, горемычному...

– А что ж тебе от нас надобно, Васильевич? Зачем поджидал-то?

– Да вот, – стучит Соловей по камню, – заметил на свою беду. Так бы ехал и ехал, горя не зная, а глядь – на валуне придорожном надпись выбита. Прочитайте-кось, сами поймете.

Мнется Муромец:

– Ты бы, Сема, вслух почитал, что ли... А то мне отсюда не видать, уж больно буковки махонькие...

Усмехнулся я понимающе, уважил неграмотного:

– «Направо поедешь – себя спасать, коня потерять; налево поедешь – коня спасать, себя потерять; прямо поедешь – женату быть; назад поедешь – трусом слыть». Нет, назад точно не поедем.

Волчок камень со вниманием обнюхал, лапу над ним задрал:

– И прилежный же писец выискался – цельный год, поди, долбил без усталости! Навряд ли шутки ради... Ну да я быстрее управился!

Сема Соловей сверху на пса косится, спускаться не спешит:

– Вот и я думаю: не для красоты он здесь положен – добрым людям на упреждение. Битый час сижу, выбрать не могу – и так плохо, и эдак нехорошо. Решил двух путников дожидаться, жребий бросить да разделить дорожки по справедливости.

Сема Муромец ладонь ко лбу приложил, в даль взгляделся – ни по одной дороге встречного не видать!

– Нам жребий бросать не с руки, вместе приехали, вместе и выбирать будем. Тебе, Сема, какая больше глянулась? Вернее, какие две – меньше?

– Давай, – говорю, – Сема, мы тебя женим! Эвон ты у нас какой молодец справный, поутру щетину нож вострый едва берет. Сыщем невесту тебе под стать...

– Бородатую, что ли? – хмыкает Муромец. – Нет уж, спасибо, видал я, что женитьба с добрыми молодцами делает – ни медовухи тебе выпить, ни к девкам на село завернуть. Прямая дорожка, поди, дальше с левой сходится! Давай лучше я у тебя в дружка похожу.

– Ну, ежели сыщешь девицу краше моей матушки, так уж и быть – женюсь.

Муромец только хохотнул, тетку свою, Василису Прекрасную, вспоминая.

– Направо тоже как-то не тянет, – размышляю я вслух. – Коня жалко, как-никак, друг верный, да и матушка огорчится. Все-таки прямо нам, Сема...

– А может, налево? – говорит Муромец с надеждою. – Авось пронесет!

Поглядел я налево – дорожка ровная, не колдобистая, впереди лес зеленый видать. Кто его знает, что каменотес неведомый сказать хотел? Себя потерять – заблудиться, что ли? Эх, где наша не пропадала, не пропадем и в лесу! Глядишь, и Семе на подвиг наскребем.

Взмолился тут Семен Соловей:

– Если вы и впрямь налево ехать вздумали, возьмите меня с собой – все равно мне, беспутному, свет не мил, а там, глядишь, и пригожусь!

Придержали мы с Муромцем коней:

– Ты хоть с оружием управляться умеешь?

Сдвинул Соловей брови, подбросил на ладони четыре ножа булатных – и откуда только выхватил! – и давай в дуб за нашими спинами метать. Так около ушей и засвистело! Обернулись мы – а ножи по самую рукоять в дерево ушли, дупло беличье с четырех сторон закогтили.

Мы так рты и пораскрывали, только ворон крыльями трепетнул одобрительно:

– Ловок! Не к добру!!! Кар-р-р! Кар-р-р!

Приняли мы Васильевича в свою дружину малую, побратались с ним и дальше поехали.

Потянулся вдоль дороги лес нехоженный, бор вековой. Прямо сказать, ходить-то по нему особо и нечего – ни ягодников, ни орешника, одни мухоморы с поганками по кочкам хоро- воды отплясывают. Сумрачно в лесу, а как солнышко вниз покатилося, и вовсе неуютно стало. Пора бы и местечко для ночлега присматривать, пока кони впотьмах спотыкаться не начали.

На наше счастье, приметил Соловей избушку в стороне от дороги. Мы с Муромцем так бы мимо и проехали – неказистая избенка, приземистая, стены мхом поросли, крышу дожди вычернили, за деревьями на нет теряется. Из трубы дымок курится, слышать, как ухват о горшок чугунный лязгает, заслонка печная дребезжит и голос старческий, надтреснутый, коту вороватому выговаривает. Потом и кот слышно стало – видать, от одних слов не раскаялся, пришлось веником помогать.

Завернули мы коней к избе, постучались в ставень распахнутый. Выглядывает в окошко старуха сморщенная в платке цветастом. Носом крючковатым потянула и сморщилась:

– Глянь-кось, доселева челоувечьего духа слыхом было не слышать, видом не видать, а нынче сам на порог пожаловал!

Утер я рукавом лоб взопревший:

– Дух как дух, знамо дело – с дороги, а ты, бабушка, приветь нас ласково, накорми-напои, в баньке попарь, он и уйдет!

– Вот ишшо, баньку им топить, дрова переводить! Небось из ручья напьетесь, мухомором зажете! Коль сюда добрались, пуцай вас и дальше черти несут, зареклась я незнакомым молодцам дверь отпирать. Развелось вас тут, богатырей проезжих, честной Бабе Яге из дому выглянуть боязно – то в печь живьем засунуть норовят, то ступу угонят, давеча гуся-лебедя недосчиталась, только голова открученная да след богатырский на грядке с репой сыскались. Вон отсюда, проходимцы, пока метлу саометную на вас не спустила!

– Не горюй, бабушка, мы твоему горю подсобим – больше ни один лиходеи в избу не войдет! Засучили мы рукава, на ладони поплевали:

– А ну-ка, избушка, стань к нам задом, к лесу передом!

Ухватили избу за углы и давай раскручивать! У Семы Муромца силушки немерено, я приколдовываю малость; Соловей тоже пыхтит, старается. Повернули избу, дверью к дереву ближайшему приставили. Окошки в избенке махонькие, нипочем Бабе Яге не выбраться. Высунула она нос крючковатый в щелочку, давай нас совестить:

– Экая молодежь нынче нервная пошла, слова им поперек не скажи! До чего здоровенные бугаи вымахали, а туда же – всяк пенсионерку заслуженную обидеть норовит! Да я в ваши годы...

– Ты, бабушка, в наши годы пакости почище этой строила!

Припомнила Баба Яга молодость свою развеселую, подобрела голосом:

– Что вам от меня надобно, окаянные? Дела пытаете аль так по лесу шляетесь?

– Дела, бабушка! Пусти переночевать, а мы тебе за то дров наколем и воды на неделю нанесем!

– Поправляйте избу, дуралеи, тогда и говорить будем!

Раскрутили мы бабку с ветерком, взяли у нее топор да пилу двуручную, пошли ночлег отрабатывать. Дотемна целую поленицу сложили.

Раздобрилась Баба Яга, курицу печеную на стол выставила, каравай хлеба нарезала, зелена вина в чарки плеснула. Сама ладошкой щеку подперла, любитесь, как мы кушанье уплетаем.

– Эх, деточки, и куда вас на ночь глядя несет, неужто не боязно?

– А ты Расскажи нам, бабушка, куда – авось убоимся!

– Вот те раз, – дивится Баба Яга, – трех верст до царства подземного, навьего, не доехали, а все ни сном ни духом! Вот уж где головушки бесшабашные... Сказывала мне сестрица моя меньшая, Баба Яга Лукоморская, что от Кощея Бессмертного с дружками-чародеями добрым людям никакого покоя нет, всюду ему нос сунуть надобно... вижу, и сынок ему под стать, на тот свет прежде батюшки поспешает. Заворачивайте коней, пока не поздно, туда-от час езды, а обратно прежде смерти не поспеть: к навьям дорожка в одну сторону, оттого неезженной и кличут – не гляди, что натоптана.

Сблелнул чуток Муромец:

– К упокойникам, что ль?

– Да нет, навьем царство только из-за подземности своей прозывается, а народ там самый что ни есть обыкновенный. Правит им лютый царь Вахрамей Кудеярович, держит при себе дружину разбойную – по ночам на землю выбирают, поживу ищут. Все селенья ближние разорили, разграбили, храбрых защитничков порубили, дома пожгли, людишек в полон угнали, в этой стороне только я одна и осталась. Никто еще от Вахрамея вырваться не сумел, птиц и тех на подлете стреляет.

Переглянулись мы с побратимами. Оно, конечно, честь богатырская, но и впрямь боязно стало. Кабы знать еще, что не напрасно сгинем...

– А растут ли в навьем царстве цветочки аленькие, о семи лепестках?

У Бабы Яги глаза на лоб полезли.

– До цветочков ли, когда волки да вороны по полям бранным падаль подьедать не успевают! Кто его знает, слыхала я, что есть у Вахрамея сад, а в том саду всех цветов земных и подземных по дюжине, птиц да зверей по паре; ежели в вахрамеевском саду цветочка аленького не сыщется, значит, его и вовсе на свете нет.

Пропали у нас сомнения последние – трудна дорога, да верна, а добрым молодцам только того и надобно.

– А нельзя ли как-нибудь тот цветок у Вахрамея выпросить аль выкупить?

Пригорюнилась старуха:

– Ох, детоньки, не дело вы затеяли! Уж больно лют Вахрамей, может и на месте зарубить, слова сказать не давши. Да есть и у него слабинка – шибко до красных девок охоч. Жен у Вахрамея целных три терема, и все никак не уймется: какую добром возьмет, какую силой принудит – никто ему не указ. Скрадите где-нибудь девицу-красавицу да поклонитесь ей навьему царю, авось смиростивится.

– А ты, Яга Ягишна, не сгодишься? У нас и мешок припасен...

Развеселилась карга, пальцем костлявым погрозила:

– Все бы вам, молодцам, шутки шутить, нет бы к старухе прислушаться – поди, больше вас, вместе взятых, на белом свете прожила, плохого не посоветую.

Доели мы курицу, бабка кости в миску сложила, мне сует.

– Накось, выгляни во двор да высыпь у крылечка, может, песики бродячие прибегут.

Вышел я на крыльцо, посвистел условно. Чего, думаю, на бродяжек добро переводить, свой пустобрех с утра не кормленный, как бы еще один гусь головы не сложил – водится за Волчком такой грешок. Не видать что-то пса, только звуки дивные сверху доносятся – не то стон прерывистый, не то скулеж хриплый. Соступил я с крыльца, голову задрал – сидит мой пес на крыше, трубу лапами обвил, осиновым листом вместе с ней колотится, а за углом три волкодлака рядом сидят и на Волчка облизываются. Увидали меня с миской, хвостами завиляли, навстречу пошли. Я миску выронил да скорей в избу. Позади только захрупало.

– Ну как, дитяtko, прибежали мои песики?

– Прибегали, бабушка...

– Не обидел ты их?

– Таких обидишь!

– То-то же! Ежели ишшо кто на гусей моих покусится – вслед подуськаю, мало не покажется!

Постелила нам бабка на полу, сама на печь спать полезла. Посреди ночи будит меня Соловей, за плечо трясет:

– С-с-сема! – А у самого зубы так и лязгают. – Я-а-а... во двор... по надобности... а там... о-о-о!

Перевернулся я на другой бок, бурчу сонно:

– Ничего не попишешь, волкодлаков бояться – до утра терпеть...

– Сема, ты чего подумал? Окстись, какие волкодлаки?! Не верю я в них, то сказки бабкины! Я коней проведать вышел, а на них какие-то девки простоволосые в лунном свете голышом катаются, только смех по лесу идет!

– Пить надо меньше...

– Сема, да вставай же! Заморят коней чертовы бабы!

Выскочили мы из избы – точно, гоняет кто-то коней по лесу, топот то ближе, то далече слышать. Захрустели ветки, вылетает на поляну Сивка – весь в мыле, глаза стеклянные, и сидит на нем без седла, без поводьев, девка бесстыжая. Волосы по ветру развеваются, под полной луной зеленым серебром мерцают.

– Стой, окаянная!

Выскалила девка зубы, рассмеялась, коня пятками пришпорила. Прижал Сивка уши, прямо на нас помчался. Едва пригнуться успели, – взвился конь поверх голов, подковами сверкнул, жаром пыхнул и дальше полетел.

– Зачаровали коня, заразы!

– Кто, Кощеич?!

– Кикиморы клятые!

За Сивкой два других коня по поляне промчались, сызнова в лес канули. Тешатся кикиморы, морят коней – не уловишь.

Сцепил я зубы, сел на завалинке, вытянул костяной гребень из кармана, давай волосы охорашивать. Чешу не спешу, кикимор будто не замечаю.

Осадили девки коней, загляделись:

– Не продашь ли гребешок, добрый молодец? Богатырю о своей красе думать негоже, а нам, девицам, как раз положено!

– Продать не продам, а спешитесь – так подарю.

Пошушукались кикиморы, посмеялись. Спрыгнула старшая с моего Сивки:

– Повезло нам, девоньки, на гнилой товар пришел слепой купец! Коней выкупает, а красных девок не замечает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.